

УДК 81'373.612.2

**МОДЕЛИ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ДЕРИВАЦИИ
ИМЁН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ
В РОМАНЕ А.С. ПУШКИНА «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»**

С.В. Горбунова

Аннотация

Статья посвящена явлению семантической деривации в творчестве А.С. Пушкина. Используя комплексный подход, автор рассматривает наиболее продуктивные семантические модели словообразования существительных на материале романа «Евгений Онегин». На основании полученных данных показан системный характер появления слов с новыми значениями и определены способы взаимодействия общеязыковых закономерностей и семантической трансформации в пределах поэтического текста.

Ключевые слова: словообразование, язык поэзии, семантическая деривация, производящее и производное, семантические модели.

Лингвистические особенности творчества А.С. Пушкина до сих пор остаются практически неизученными: как классические, так и современные труды в области языка поэта при всем разнообразии подходов отличаются в большей степени литературоведческой направленностью. Цель настоящей статьи – рассмотрение процессов семантической деривации, одного из основных направлений художественной практики поэта, которое ещё не являлось объектом специального исследования.

Под *семантической деривацией* традиционно понимается образование производных номинативных единиц от исходных без изменения формы знака (см. [1]). Одним из подходов к исследованию семантической деривации является словообразовательный. Так, В.М. Марков отмечает, что обогащение лексемы всё большим количеством ассоциаций при употреблении в различных речевых ситуациях приводит к возникновению «самостоятельной лексико-грамматической единицы, служащей наименованием уже иного явления, в том или ином отношении сближенным с исходным словом. Аналогичные предпосылки характерны и для морфемного способа словообразования, который... необходимо рассматривать в тесной связи со словообразованием безморфемным» [2, с. 3]. Для нас в понимании семантической деривации важно отношение производности, смысловой связи между исходным и производным наименованием, а также указание на появление новообразований.

Объектом нашего исследования является роман в стихах «Евгений Онегин», соединивший все особенности творческого почерка автора. Используя комплексный подход, мы сочли возможным показать наиболее типичные для

А.С. Пушкина модели, по которым осуществляется семантическая трансформация. В области существительных наиболее продуктивными и широко представленными в романе являются следующие модели.

1. Название материала – название изделия.

*Янтарь на трубках Цареграда,
Фарфор и бронза на столе,
И, чувств изнеженных отрада,
Духи в гранёном хрустале.* (ЕО, с. 15)

Данный пример показателен тем, что в небольшом фрагменте сосредоточено несколько однотипных дериватов. Очевидно, это требуется поэту для того, чтобы при помощи нескольких ярких мазков создать картину не просто богатого кабинета Онегина, но убранства излишне роскошного. Большая часть субстантивов с получением нового значения приобретает также признак собирательности: *янтарь* – украшения из янтаря, *фарфор* – изделия из фарфора, *хрусталь* – хрустальные флаконы для духов. Именно такое использование лексем привносит в текст ощущение изобилия, избытка предметов на столе героя. Показательно, что почти все перечисленные слова употребляются А.С. Пушкиным только в значениях, представленных в приведённом контексте.

*Люблю её... Весной на мураве лугов,
Зимой на чугунае камина,
На зеркальном паркете зал,
У моря на граните скал.* (ЕО, с. 18)

Лексема *чугун*, имеющая значение ‘решётка из чугуна’, участвует в синтаксической организации поэтического текста: параллелизм конструкций достигается за счет употребления однородных сочетаний *на мураве лугов, на чугунае камина, на граните скал*. Формы *мурава, чугун, гранит* приобретают в контексте дополнительный оттенок собирательности.

По той же модели образуется и следующий дериват:

*И хоть он был повеса пылкой,
Но разлюбил он наконец
И брань, и саблю, и свинец.* (ЕО, с. 21)

Лексема *свинец* употреблена в значении ‘пули’. Вообще А.С. Пушкин достаточно часто использует это слово именно в таком значении, однако данный пример интересен другим: здесь поэт идёт дальше по пути семантических преобразований, так как он говорит не о военных сражениях. В контексте речь идёт о светской жизни Онегина, о его «боях» и «победах» на балах и всевозможных раутах. Таким образом, весь оборот *И брань, и саблю, и свинец* создает иронически окрашенную картину светской жизни.

2. Наименование лица: нейтральная оценка – окказиональная интерпретация.

Театра злой законодатель, сатиры смелый властелин, почётный гражданин кулис (ЕО, с. 12), *мод воспитанник примерный* (ЕО, с. 14), *диктатор бальный* (ЕО, с. 158), *неприступная богиня роскошной, царственной Невы* (ЕО, с. 159), *картёжной шайки атаман, глава повес, трибун трактирный* (ЕО,

с. 107). Это – характеристики представителей светской знати, отражающие сущность каждого из них. Практически все номинации строятся по определённой структурной модели: субстантив, являющийся семантическим центром этих сочетаний, как правило, имеет при себе атрибут и иногда дополнение, выраженное существительным в родительном падеже со значением отношения. Именно контекстное окружение формирует ту новую семантику, которую приобретают лексемы.

Наибольший интерес представляют те контексты, где несколько подобных сочетаний характеризуют одно лицо. Например:

*Театра злой законодатель,
Непостоянный обожатель
Очаровательных актрис,
Почётный гражданин кулис,
Онегин полетел к театру.* (ЕО, с. 12)

Герой представлен достаточно лаконично и в то же время полно, авторская позиция отражена в тексте чётко: это ироническая оценочность по отношению к Онегину. Лексема *законодатель* выступает в значении ‘лицо, которое своими взглядами, вкусом, поведением служит примером, образцом для других’ (СЯП, т. 2, с. 36). Отметим, что такой семантики Словарь русского языка XVIII века не фиксирует, а в современных словарях она присутствует: ‘законодатель – тот, кто оказывает определяющее влияние на формирование норм поведения, вкусов, на моду и т. п.’ (МАС, т. 1, с. 563). Это значение само по себе позитивно окрашено, но в тексте «Евгения Онегина» в сочетании с прилагательным *злой*, включаясь в ряд однородных приложений, слово приобретает элемент насмешливости, тем самым нивелируется положительная характеристика.

Наиболее выразительным является сочетание *почётный гражданин кулис*, в котором *гражданин* имеет значение ‘постоянный посетитель, завсегдатай’ и которое является индивидуально-авторским и не фиксируется ни словарями пушкинской эпохи, ни современными лексиконами. Оно метко характеризует Онегина как человека, привыкшего легко, без церемоний проникать в мир театра, обращаться со всем как со своей собственностью.

Подобный приём встречается и при характеристике эпизодического персонажа Зарецкого:

*Зарецкий, некогда буйн,
Картёжной шайки атаман,
Глава повес, трибун трактирный,
Теперь же добрый и простой
Отец семейства холостой.* (ЕО, с. 107)

Все использованные лексемы рисуют прошлое героя бурным, полным сомнительных забав, азартных игр. При этом Зарецкий не просто один из ведущих подобных образ жизни: выделенные слова сохраняют за собой общую сему ‘лицо, главенствующее в чём-либо’, но, будучи перенесёнными в сферу употребления, не свойственную им, они приобретают иные, во многом оценочные значения. Так, новое, текстуальное значение слова *атаман* – ‘заядлый картёжник’ – развивается на базе семантики ‘предводитель, вожак разбойничьей шайки’ (СРЯ XVIII, вып. 1, с. 97) и является откровенно сатирической номинацией.

То же можно сказать и о слове *трибун*: получив семантику ‘тот, кто любит много ораторствовать, говорун’ (СЯП, т. 3, с. 357), свойственную разговорной речи современного русского языка, данная лексема включается в ряд негативных наименований, которые свидетельствуют об отношении А.С. Пушкина к прошлому своего героя.

Результатом преобразования становится приобретение нейтральными номинациями эмоциональной оценочности и стилистически окрашенной характеристики по типическим признакам. Таким образом, в данном случае можно говорить, что производящее испытывает сужение исконного значения.

3. Предметы материального мира – сфера жизнедеятельности человека.

Одним из наиболее ярких примеров семантического словообразования по данной модели является следующий:

*А мне, Онегин, пышность эта,
Постылой жизни мишура,
Мои успехи в вихре света,
Мой модный дом и вечера,
Что в них? Сейчас отдать я рада
Всю эту ветошь маскарада,
Весь этот блеск, и шум, и чад
За полку книг, за дикий сад... (ЕО, с. 168)*

В контексте новые значения находят слова *мишура* и *ветошь*. Несмотря на то что производящие основы имеют значения не близкие (*ветошь* – ‘изношенная одежда’, *мишура* – ‘тонкая золочёная или посеребрённая проволока, употребляемая для отделки платья’ (СРЯ XVIII, вып. 3, с. 64)), производные оказываются контекстуально синонимичными. Обе лексемы обретают семантику ‘нечто неважное, ненужное, не имеющее значения’. Светская жизнь, по мнению Татьяны, пуста, мертва, и именно поэтому в описание отношений между людьми попадают слова, несущие в себе негативную оценку со стороны героини.

Сочетание указанных субстантивов с родительным отношения придаёт образам большую конкретность, «привязывает» их к определённой сфере.

Лексема *ветошь* остается индивидуально-авторской в этом значении, современные словари не фиксируют подобную семантику, а *мишура* сохраняет значение ‘внешне показной блеск, лишённый действительной ценности, показная роскошь’.

4. Неодушевлённые существительные – собирательные одушевлённые.

В группе представлены существительные, образованные путём метонимического переноса. Например:

*Бывало, он ещё в постеле:
К нему записочки несут.
Что? Приглашенья? В самом деле,
Три дома на вечер зовут. (ЕО, с. 11)*

Слово *дом* приобретает значение ‘семья’, происходит перенос с помещения на обитателей. Модель весьма продуктивна в современном русском языке. При этом меняются морфологические показатели производящего слова: из разряда

неодушевлённых лексема переходит в разряд одушевлённых (об этом свидетельствует сочетание с глаголом *зовут*, обозначающим действие живого существа). Кроме того, новообразование приобретает значение собирательности, которое не свойственно производящему.

Ту же словообразовательную модель можем наблюдать и в следующем контексте:

*Театр уж полон, ложи блещут,
Партер и кресла – всё кипит.* (ЕО, с. 13)

Как и в предыдущем случае, перенос происходит с помещения на людей, находящихся в нем, однако если слово *дом* приобретает значение 'семья', то здесь не наблюдается подобного наращения смысла. *Ложи, партер и кресла* обозначают людей, заполнивших пространство театра, однако они лишены какой-либо конкретики. В целом можно говорить о том, что метонимические переносы выполняют скорее описательную функцию, нежели чисто образную: «вот почему, если метафору иногда определяют как *сжатое сравнение*, то метонимию можно было бы определить как своего рода *сжатое описание*» [3, с. 436]. При этом мы наблюдаем пример необычной сочетаемости: существительные выступают при глаголах, переживших метафорическую трансформацию. Глаголы интенсивного действия *блистать, кипеть* в сочетании с указанными существительными создают образ шумного театра, заполненного роскошной публикой – представителями высшего света. Однако, при всей своей блистательности, светская толпа довольно безлика, в ней трудно выделить отдельных людей – эффект обезличивания также достигается во многом за счёт метонимии.

Указанные метонимические переносы, будучи свойственными языку вообще, чаще закрепляются за художественной речью. Вероятно, поэтому такое словопотребление нередко остаётся окказиональным и не фиксируется словарями.

5. Совокупность лиц – область предметов материального мира.

В рамках данной модели хотелось бы особо сказать о лексико-семантической группе новообразований, в которых семантизация осуществляется на базе значения 'совокупность чего-либо', включённого и в производящую основу, и в производную.

*Отрядом книг уставил полку,
Читал, читал, а всё без толку.* (ЕО, с. 22)

Слово *отряд*, изначально имеющее значение 'временное или постоянное объединение каких-либо вооружённых сил для выполнения определённой боевой задачи' (СЯП, т. 3, с. 361) и обозначающее, соответственно, совокупность людей, применяется поэтом в сочетании с неодушевлённым существительным *книги*. Сохраняя за собой сему совокупности, со сменой сочетаемости слово меняет и основное лексическое наполнение и начинает обозначать набор однородных по какому-либо признаку предметов, тем самым оно участвует в образной организации поэтического текста: заимствуя военный термин, А.С. Пушкин, с одной стороны, подчёркивает воинственный настрой своего героя, его желание «вооружиться» книгами, но с другой стороны, преподнося ситуацию в ироническом контексте, поэт показывает безрезультатность всех усилий Онегина.

О тех же книгах, но уже разочаровавших Онегина, поэт говорит иначе:

*Как женщин, он оставил книги,
И полку, с пыльной их семьёй,
Задёрнул траурной тафтой.* (ЕО, с. 23)

Наскучившие, неинтересные герою книги названы *пыльной семьёй*. *Семья* изначально также обозначает совокупность людей, но, естественно, куда более близких, чем *отряд*, о котором говорилось ранее. Семья связана отношениями родства. В контексте слово приобретает практически то же значение, что и *отряд*: 'совокупность объединённых по какому-либо признаку предметов'. Однако это уже чуждые герою предметы. Лексемой *семья* подчёркнуты сходство, связь между ними и одновременно отстранённость Онегина от книг.

Другой подобный пример:

*Зовут задорных игроков
Бостон и ломбер стариков,
И вист, доныне знаменитый,
Однообразная семья,
Все жадной скуки сыновья.* (ЕО, с. 102)

В тексте представлена развернутая метафора «семьи»: поэт связывает родственными узами карточные игры. Вновь в контексте соединяются несколько значений: не теряя семантики 'круг родственников', *семья* начинает функционировать как 'набор схожих по каким-либо признакам предметов и явлений'. То же происходит и с лексемой *сыновья*: сохраняя прямое, основное своё значение, слово приобретает сему 'результат': карточные игры – результат скуки. Таким образом, мы наблюдаем в пушкинском тексте явление своеобразного наложения смыслов, слово реализуется в контексте с максимальной полнотой. «Слово в художественном произведении, – писал В.В. Виноградов, – совпадая по своей внешней форме со словом соответствующей национально-языковой системы и опираясь на его значение, обращено не только к общенародному языку и отражающемуся в нём опыту познавательной деятельности народа, но и к тому миру действительности, который творчески создаётся или воссоздаётся в художественном произведении. <...> Поэтому оно [слово] двупланово по своей смысловой направленности и, следовательно, в этом смысле образно» [4, с. 251].

Все новые смыслы в словах данной лексико-семантической группы остаются индивидуально-авторскими. Ни современные, ни исторические словари подобных значений не фиксируют.

Наблюдения над семантическими трансформациями существительных в тексте «Евгения Онегина» дают возможность указать на системность в появлении слов с новыми значениями, то есть на отношение данного явления к области словообразования, а также на продуктивность подобного способа производства лексем в творчестве А.С. Пушкина.

В сфере семантического словообразования существует ряд проблем, требующих решения: регулярность образования семантических моделей в узусе и в языке отдельного писателя, неоднородность семантической структуры слова, трудности контекстуальной обусловленности. При этом необходимо признать

самостоятельным статус деривации в системе словообразования и её немало-важную роль в обогащении как языка художественного текста, так и общенационального языка.

Summary

S.V. Gorbunova. Models of Semantic Derivation of Substantives in A.S. Pushkin's "Eugene Onegin."

In this article, attention is given to the phenomenon of semantic transformation in A.S. Pushkin's works. Using an integrated approach, we consider the most productive semantic models of formation of substantives in the text of "Eugene Onegin." The obtained results show the systematic nature of the occurrence of words with new meanings and make the basis for determining the ways of interaction between general linguistic rules and semantic transformation within a poetic text.

Key words: word formation, language of poetry, semantic derivation, productive and derivative, semantic models.

Источники

- ЕО – Пушкин А.С. Евгений Онегин // Пушкин А.С. Собрание сочинений: в 10 т. – М.: Гос. изд-во худож. лит., 1959. – Т. 4. – С. 5–190.
- МАС – Словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Рус. язык, 1981–1984.
- СЯП – Словарь языка Пушкина: в 4 т. / Под ред. В.В. Виноградова. – М.: АН СССР, Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1956–1961.
- СРЯ XVIII – Словарь русского языка XVIII века / Под ред. Ю.С. Сорокина. – Л., СПб.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1984–2006. – Вып. 1–16.

Литература

1. *Никитин М.В.* Основы лингвистической теории значения. – М.: Высш. шк., 1988. – 168 с.
2. *Марков В.М.* О семантическом способе словообразования в русском языке. – Ижевск: Удмурт. гос. ун-т, 1981. – 29 с.
3. *Петровский М.* Метафора // Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: в 2 т. – М.; Л.: Изд-во Л.Д. Френкель, 1925. – Т. 1: А–П. – С. 434–437.
4. *Виноградов В.В.* Проблемы русской стилистики. – М.: Высш. шк., 1981. – 320 с.

Поступила в редакцию
24.03.11

Горбунова Светлана Владимировна – аспирант кафедры истории русского языка и славистики Казанского (Приволжского) федерального университета.

E-mail: svetastella@yandex.ru